

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР И ИНСТИТУТА МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО АКАДЕМИИ
НАУК СССР

№ 6

Сентябрь 1957 г.

Г. Поспелов

ОБ ИДЕЙНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТВОРЧЕСТВА А. П. ЧЕХОВА

Творчество Чехова представляет собой своеобразное и высокохудожественное отражение русской общественной жизни конца XIX — начала XX веков. Отличаясь большой глубиной и значительностью идейного содержания, совершенством формы, оно еще при жизни писателя было признано русской общественностью и оказало несомненное влияние на творчество многих художников слова того времени. В последующие десятилетия оно стало неотъемлемым достоянием русской национальной культуры и прочно вошло в эстетическое сознание русского народа.

Но Чехова не только читают — его настойчиво и вдумчиво изучают. Из года в год появляется все больше статей и книг, посвященных исследованию и оценке его произведений. Можно с уверенностью сказать, что Чехов — один из самых любимых авторов не только у широчайших слоев читателей, но и у специалистов по изучению художественного творчества — критиков и историков литературы.

Однако изучение произведений писателя все-таки не обладает часто достаточной принципиальностью. При исследовании его творчества ставят самые разнообразные проблемы. Но меньше всего интересуются одним из важнейших вопросов — вопросом о том, как отразилась русская общественная жизнь в творчестве Чехова, как понимал писатель действительность, изображенную в его произведениях, каковы были его общественные взгляды и настроения, в чем заключается их историческая закономерность.

Без ответа на этот основной вопрос невозможно углубленное и последовательно-историческое решение всех других вопросов, возникающих при изучении творчества Чехова. Без ответа на этот вопрос такое изучение будет неизбежно в значительной мере эмпирическим и описательным. Оно может заключать в себе очень важные и меткие наблюдения над особенностями содержания и формы, оно даже

сможет прийти к некоторым частным обобщениям и выводам, но оно не может выявить своеобразие творчества писателя в единстве его основных особенностей. И оно будет бессильно дать историческое объяснение этого своеобразия, дать понимание того, чем и почему отличается Чехов от других русских писателей, своих предшественников и современников, и почему он близок к некоторым из них. Наконец, оно не сможет объяснить, на чем основывается объективная связь творчества Чехова с нашей современностью.

Такое эмпирическое исследование может легко привести к неверной мысли, будто своеобразие творчества Чехова всецело зависело лишь от индивидуального склада его творческой личности и от случайностей его творческой жизни. А подобная мысль увела бы нас далеко в сторону от задач собственно научного, исторического исследования.

Предлагаемая статья представляет собой попытку предварительного и общего решения указанного вопроса, основного в изучении творчества Чехова.

1

В годы своей юности Чехов проходил внешне довольно быстрый и простой, а внутренне очень сложный и трудный путь идейного развития. Он постепенно выбивался из косной мещанской среды, в которой родился и вырос, преодолевая в себе ее взгляды и традиции, и становился одним из многочисленных представителей разночинной, «бессловной» интеллигенции, игравшей заметную роль в русской общественной жизни наступавшего третьего периода освободительного движения.

При этом перед ним, конечно, возникали соблазны примкнуть так или иначе к кругам дворянско-буржуазной интеллигенции. Это была интеллигенция, «довольная и спокойная, чуждая каких бы то ни было бредней и хорошо знающая, чего она хочет»¹. Однако по своему индивидуальному складу, по своим связям и склонностям Чехов очень рано обнаружил тяготение к демократическим идеалам, а затем и к участию в демократическом движении.

Уже в самом начале своей литературной деятельности, выступая в юмористических журнальчиках, в «Стрекозе» или «Осколках», нарочито отвлекавших массового читателя от передовых политических интересов, Чехов занимал в них особое положение. Он только внешне примыкал к их общему направлению, а по существу чем дальше, тем больше стремился отстоять свою идейную независимость. Борьба за общественную независимость, за свободу человеческой личности скоро становится основным пафосом мировоззрения молодого и талантливого писателя.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 276.

Особенно знаменательно в этом отношении известное письмо Чехова к А. Н. Плещееву, написанное в октябре 1888 года, в котором он как бы подводит итоги первому периоду своего идейного развития. Это программное письмо достойно подробного рассмотрения.

«...Я боюсь тех, — пишет Чехов, — кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепенец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и — только, и жалею, что бог не дал мне силы, чтоб быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах... Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи... Потому я одинаково не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодежи. Фирму и ярлык я считаю предрассудком. Мое святое святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались»¹.

Главное в том, против чего выступает здесь писатель, — это «насилие» и «произвол», это деятельность «жандармов» и «мясников». Иначе говоря, это политический гнет самодержавной власти, осуществляемый как ее прямыми приспешниками, так и ее добровольными пособниками из реакционных мешанских слоев.

Но Чехов выступает не только против произвола, царящего в полицейских «кутузках», но и против «лжи» и «фарисейства». В этой связи рядом с «консерваторами» он ставит «либералов» и «постепенцев», а рядом с «жандармами» — «ученых» и «писателей». Он, видимо, сознает, что идеологи либерализма с помощью «фарисейства» по-своему принимают участие в защите политического курса, осуществляемого правительством. Тем самым он проявляет себя врагом всего господствовавшего тогда социально-политического строя. Он не активный деятель демократического движения, но именно в силу своей «беспартийности» он — его несомненный сторонник.

Но и в демократическом движении Чехову не все нравится. Возмущаясь «ложью» и «фарисейством», он рядом с «учеными» и «писателями» упоминает «молодежь». В таком контексте «молодежь» является, конечно, не возрастной, а политической категорией. Это несомненно та часть демократической молодежи, которая так или иначе принимала участие в народническом и народолюбческом движении, откликалась на его теории и лозунги. В пристрастии к такого рода «фирмам» и «ярлыкам» несомненно и упрекает ее писатель. Он выступает против всякого идеологического «доктринерства», в том числе и демократического. Он критикует его во имя воинствующего «беспартийного» демократизма. Он защищает идеал и политической и умственной свободы, «абсолютной свободы», как он выражается.

Но требовать «абсолютной свободы» — это значит ничего определенного не требовать. Между тем положительная программа Чехова, в которой на первом месте значатся «человеческое тело, здоровье, ум...», — это уже нечто определенное. Это прежде всего гуманистическая программа. Провозгласить своим «святое святых» «человеческое тело» в тот момент, когда значительные круги русской интеллигенции уходили в толстовство, в декаденство, в мистику, в идеализм, — это значило пойти в разрез с ними, отмежеваться от них, сохранить верность лучшим традициям демократического движения с его воинствующим материализмом.

В связи с этим и второй пункт программы Чехова осознается как «здоровье» не только телесное, но и нравственное, тем более что за «здоровьем» у него непосредственно следует «ум». Этим писатель еще отчетливее противостоял всем тем, кто порывал тогда с человеческим умом, провозглашая свою приверженность слепым инстинктам, темным аморальным влечениям, мистическим «волхованиям» и «молитвам». На этом фоне человеческого идеал здорового, материалистически мыслящего человеческого ума осознается как защита общих философско-этических принципов русской демократии, как идеал общественно-прогрессивный, несмотря на его отвлеченность.

Чехов не сказал, куда именно должен быть направлен здоровый ум человека, но все его письмо в целом, в особенности же утверждение «вдохновения», «любви», «свободы», полно оптимистической уверенности и приподнятости. Выступая против всякого идейного доктринерства и, в частности, против тех «ярлыков», которыми ограничивала себя народнически мыслящая молодежь с ее идолопоклонством перед отсталостью крестьянских масс, с ее страхом перед буржуазными отношениями и историческим пессимизмом, Чехов проявил себя человеком, бодро и уверенно смотрящим вперед, верящим в торжество разума и культуры.

Итак, в своем относительно раннем программном письме Чехов заявляет себя несомненным противником господствовавшего в стране самодержавно-помещичьего строя, его защитников и пособников и столь же несомненным сторонником демократических идеалов. Но демократизм Чехова был своеобразным. Своим протестом против «фирм» и «ярлыков» молодой, быстро растущий писатель оберегал себя от увлечения идеалами и доктринами народничества, уже ставшими регрессивными. Субъективно он не хотел принадлежать к какому-либо определенному идейному течению, стремился заявить о своей идейной и политической «беспартийности». Но из этого совсем не следовало, что Чехов хотел стоять в стороне от общественной жизни, не принимая участия в общественной борьбе своего времени.

Изучение произведений Чехова и других материалов приводит нас к выводу, что русское демократическое движение 80—90-х годов XIX и начала XX века не сводилось к народничеству, что наряду с народничеством, становящимся в своих теориях все более регрессивным, в нем существовало и другое течение общественной

¹ А. П. Чехов, Полн. собр. соч. и писем, т. 14, М. 1949, стр. 177.

мысли, отличавшееся значительной прогрессивностью и имевшее гораздо большее значение в политической борьбе за освобождение страны от самодержавно-помещичьего гнета. Оно представляло собою новую ступень в развитии русского демократического просветительства.

Речь идет о «просветительстве» в том значении этого слова, какое дано было Лениным в статье «От какого наследства мы отказываемся?» (1897). В ней содержится общее определение понятия «просветительства» и намечены его характерные признаки. Это горячая вражда к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области; далее, это «отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян...»; затем это «горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России»; и, наконец, это «искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому»¹. Последний признак в его единстве с предыдущими особенно существен и характерен для всякого просветительства².

Во взглядах Чехова, как они выразились в его переписке, отчетливо сказались все эти черты просветительского миропонимания. Ненависть писателя к деспотизму самодержавия, которое само было политическим порождением и пережитком крепостнических отношений, в зрелый период его творчества стала еще определеннее. «Если государство неправильно отчуждает у меня кусок земли, то я подаю в суд, и сей последний восстанавливает мое право: разве не должно быть то же самое, когда государство бьет меня нагайкой, разве я в случае насилия с его стороны не могу вопить о нарушенном праве?»³ — писал Чехов в 1899 году.

Писатель был горячим и убежденным защитником политической свободы, просвещения, передовой науки и культуры. Он писал о себе, что «с детства уверовал в прогресс» и что, по его мнению, «в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса»⁴. «Когда нет права свободно выражать свое мнение, — писал он позднее, — тогда выражают его задорно, с раздражением... Дайте свободу печати и свободу совести, и тогда наступит вожделенное спокойствие...»⁵

Передовая наука и культура, по мнению Чехова, должны служить всему обществу и прежде всего трудящимся народным массам.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 472.

² Далее мы и будем употреблять слово «просветительство» в этом узком и точном ленинском смысле, а не в том, очень распространенном в настоящее время, широком и расплывчатом смысле, какой придавал этому слову Плеханов, полагавший, что каждый, кто придает решающее значение человеческому «сrazуму», является «просветителем».

³ А. П. Чехов, Полн. собр. соч. и писем, т. 18, М. 1949, стр. 98.

⁴ Там же, т. 16, стр. 132—133.

⁵ Там же, т. 18, стр. 127.

Восхищаясь огромными достижениями медицины, писатель думал при этом о применении этих достижений в низовых, земских больницах, обслуживавших преимущественно крестьянское население; «если бы, — писал он, — мне предложили на выбор что-нибудь из двух: «идеалы» ли знаменитых шестидесятих годов, или самую плохую земскую больницу настоящего, то я, не задумываясь, взял бы вторую»¹.

И писатель не только теоретически защищал права и интересы трудящихся, но готов был лично, на деле служить им. Он собирал средства и строил на них земские школы. «...Я строю еще новую школу, по счету третью, — писал он А. С. Суворину в 1898 году. — Мои школы считаются образцовыми, — говорю это, чтобы Вы не подумали, что Ваши 200 р. я истратил на какую-нибудь чепуху»².

И Чехов считал современное ему медленное развитие русской науки, образования, культуры началом их грядущего быстрого развития, расцвета общественной жизни, которая принесет людям свободу и счастье. «Ведь при росте теперешней культурной жизни, — писал он, — никто не может поручиться, что для библиотеки не понадобится через 25—40 лет пятиэтажное здание! Театры же — учреждения наполовину коммерческие: дайте срок, и они сами начнут расти, как грибы, и на каждой улице будет по театру...»³

Так развивались в своих общих чертах взгляды Чехова в 90-х и начале 1900-х годов. Но эти общие черты его просветительского мышления должны быть не только указаны, но исторически конкретизированы и обоснованы.

2

Выясняя особенности мировоззрения русских просветителей 60-х годов, Ленин ссылается на взгляды Скалдина. Скалдин действительно был просветителем, но просветителем-либералом, представителем буржуазно-реформистского дворянского либерализма. Однако гораздо отчетливее и последовательнее просветительский склад мышления сказался тогда в мировоззрении русских революционеров-демократов и прежде всего во взглядах Чернышевского и Добролюбова с их идеалами крестьянского общинного социализма. Это было революционно-демократическое просветительство, враждебное либеральному и возглавлявшее русскую демократию в ее борьбе с самодержавно-крепостническим гнетом. Эта борьба объединяла тогда всех трудящихся — все крестьянство, промышленный пролетариат, городскую мелкую буржуазию в их стремлении к освобождению от власти помещиков, чиновников, жандармов, к самостоятельному социальному развитию. Пафос этой общедемократической борьбы за свободу находил свое выражение и в революционной

¹ А. П. Чехов, Полн. собр. соч. и писем, т. 15, стр. 137—138.

² Там же, т. 17, стр. 298.

³ Там же, т. 18, стр. 270.

деятельности демократов-просветителей и в их социалистических идеалах.

Но в пореформенный период, в особенности же на протяжении 70-х годов, такая широкая, но не прочная социальная база революционно-демократического просветительства стала быстро расшатываться. В деревне началась «острая ломка» старых, полукрепостнических отношений, среди крестьянства стали постепенно складываться «новые типы сельского населения» — классы нового буржуазного общества, сельская буржуазия и батраки (рабочие с наделом). Это были антагонистические классы, и их отношения были проявлением «второй социальной войны» внутри русского общества, осложнившей старую, но еще далеко не законченную «первую социальную войну». Разъясняя различия этих двух «социальных войн», раздравших русское общество вплоть до 1917 года, Ленин указывал, что «первая война» — это «общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа...», а «вторая война» — это «классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества»¹.

«Вторая социальная война» шла, постепенно усиливаясь, и в городе и в деревне. Она шла, так сказать, поперек «первой социальной войны», расшатывая социальную базу старой русской крестьянской демократии с ее революционным просветительством. Утопическая доктрина общинного социализма к 1880-м годам стала все более отражать, в пределах «первой социальной войны», не интересы всего демократического, антипомещичьего лагеря, но мелкобуржуазные интересы «нового крестьянства», фермерские тенденции его развития. Сторонники этой утопической доктрины — народники 80-х и 90-х годов, на словах отрицавшие русский капитализм и боявшиеся его развития на деле, превратили свои идеалы общинного социализма в средство идеализации и прикрашивания жизни и деятельности сельской буржуазии. И чем больше тот или иной демократический деятель освобождался от увлечения народническими «фирмами» и «ярлыками», тем больше в его мышлении могли проявляться сильные стороны общедемократического, антипомещичьего движения, тем в большей мере он мог продолжать просветительские традиции русской демократии.

Но общедемократическая борьба с самодержавием и пережитками крепостничества уже вступала в новую фазу своего развития. Начинался третий период освободительного движения. С 90-х годов буржуазная демократия уже уступала свое прежнее ведущее место в этой борьбе вновь возникавшему тогда политическому движению рабочего класса, которое в дальнейшем все более возглавляло не только «вторую социальную войну», то есть борьбу с буржуазией за социализм, но и «первую социальную войну» — общенародную борьбу с помещиками и самодержавием за свободу и демократию.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 280—281.

Эта борьба, возглавляемая теперь революционным пролетариатом, осложненная его собственной классовой борьбой с буржуазией, не только не ослабевала, но, наоборот, усиливалась и углублялась. Хотя крепостное право юридически было давно отменено, Ленин определил основную задачу революции 1905 года как ниспровержение самодержавно-крепостнического строя; как освобождение из-под него строя буржуазного¹.

Но это была борьба не только против помещиков как социального класса и против самодержавия как государственной власти, защищавшей в основном интересы помещиков. Это была борьба против всего помещичье-капиталистического пути развития России. А по этому пути развивалась тогда и русская торгово-промышленная буржуазия, которая была «тысячами экономических нитей связана и с старым поместным землевладением, и с старой бюрократией»². Стремясь к сохранению своего господства, помещики «соединялись» с «чумазыми» и помогали им обогащаться. «Такой путь развития, — писал Ленин, — требует для своего осуществления сплошного, систематического, необузданного насилия над крестьянской массой и над пролетариатом»³. Поэтому русская демократия, возглавленная рабочим движением, боролась теперь не только с помещиками, но и со связанной с ними буржуазией, и победа демократии означала бы крушение и этой буржуазии.

Однако разные классовые слои, участвовавшие в этой общедемократической борьбе, в продолжавшейся и обострявшейся «первой социальной войне», осознавали ее задачи и перспективы по-разному.

Политический авангард революционного рабочего движения понимал классовую противоречивость нового буржуазного строя, могущего возникнуть на развалинах старого при победе буржуазной революции. Он знал, что на расчищенной от старого «хлама» русской земле в лице новых «свободных хозяев» неизбежно возникает новая и сильная фермерская буржуазия, которая быстро выделит из своей среды и новую промышленную буржуазию и скоро обратит завоевания революции против рабочего класса и крестьянской бедноты.

Наоборот, даже самые лучшие убежденные представители буржуазной демократии и в особенности те, которые были наиболее свободны от увлечения народническими доктринами общинного социализма, не могли этого понять. Они мыслили представлениями и понятиями «первой социальной войны». Им представлялись при этом лишь необъятные, сверкающие горизонты победы в этой первой войне, горизонты, залитые солнечным светом политической свободы. И они были ослеплены этим светом и обнаруживали тем самым просветительский склад своего мышления. Подобно просве-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 58.

² Там же, т. 17, стр. 495.

³ В. И. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Сочинения, т. 13, стр. 387—388.

тителям-демократам 60-х годов, они «верили в данное общественное развитие, ибо не замечали свойственных ему противоречий».

Так мыслили, например, представители фермерского крестьянства. Анализируя их выступления, происходившие позднее, во второй Государственной думе, Ленин находит в них и ненависть к помещицкому землевладению, и готовность отстаивать фермерско-крестьянские интересы, и оптимистическую веру в общее благополучие при положительном решении вопроса о земле и воле.

Так, беспартийный крестьянин Семенов говорил там о страданиях миллионов, о том, что «народ» его послал, «чтобы требовать земли и воли и полноты гражданской свободы...», при которой «будем все люди и будем каждый на своем месте барин»¹. Крестьянин Мороз, убеждая помещиков добровольно отдать землю, выражал искреннюю уверенность в том, что «тогда будет воля, свобода, и вам будет хорошо и нам»². Беспартийный крестьянин Афанасьев указывал, что на Дону миллионы десятин земли принадлежат помещикам, а также «кулакам, богачам», которые «давят» крестьян. Заявляя, что трудно требовать от крестьян «защиты родины», если у них нет земли, он выражал горячее убеждение в том, что «все должны быть русскими гражданами и пользоваться землей — все те, кто на ней трудится, прикладывает к ней свой труд, лелеет и любит ее»³. «Добро, господа пастыри... — восклицал крестьянин-трудовик Киселев. — Довольно, нам нужны не пастыри, а вожди, которых мы сумеем найти и помимом вас, а с ними мы найдем дорогу и к свету, и к правде, найдем дорогу и к обетованной земле»⁴.

Приводя такие высказывания представителей трудового крестьянства, Ленин подчеркивал их просветительский характер. «Вы видите, — замечал он о выступлении Киселева, — этот идеолог крестьянства стоит на типической точке зрения французского просветителя XVIII века. Он не понимает исторической ограниченности, исторически-определенного содержания *его* справедливости. Но он *хочет* — и класс, который он представляет, *может* во имя этой абстрактной справедливости *сместить до тла* все остатки средневековья»⁵.

При этом Ленин обращает внимание также и на те выступления трудового крестьянства, в которых речь идет не об уничтожении полукрепостнического помещицко-наделного землевладения, но об уничтожении полукрепостнического производства в крупной промышленности, то есть о замене старого капитализма новым. Так, он цитирует выступление крестьянина-эсера Кабакова, указавшего, что «стомиллионное трудовое крестьянство», не имея земли и средств к существованию, не может крыть свои хаты железом, не может покупать уральское железо, и поэтому «заводы у нас на Урале остано-

вились». И Ленин разъясняет, что в этом выступлении «верно выражены условия» замены «векового полуфеодального застоя «посессионного» производства» действительно капиталистическим производством. «Только крестьянская революция, — писал Ленин, — могла бы быстро заменить Россию деревянную Россией железной»¹.

Сравнивая выступление представителей крестьянства с выступлением членов интеллигентских политических партий русской буржуазной демократии, Ленин указывал, что у последних, «в отличие от крестьян, видна доктрина: они борются не во имя непосредственно сознаваемых нужд и бедствий, а во имя известного учения, системы взглядов, извращенно представляющих содержание борьбы»².

Но, как уже сказано выше, далеко не вся демократическая интеллигенция третьего периода освободительного движения мыслила доктринерски. Значительно большая ее часть, наоборот, отмежевывалась от различных теоретических «фирм» и «ярлыков», продолжавших так или иначе идеологические традиции народничества. Подобно представителям трудового крестьянства, она боролась «во имя непосредственно сознаваемых нужд и бедствий» и мыслила «просветительно». И от этого ее участие в продолжавшейся и обострявшейся «первой социальной войне» не было менее активным и приобретало свои характерные особенности.

Рассматривая этот вопрос в статье «Социалистическая партия и беспартийная революционность», Ленин разъяснял, что русская буржуазная революция, направлена против отживающих классов, мешающих развитию всего буржуазного общества. «Классовый характер буржуазной революции проявляется, поэтому, неизбежно в «общенародном», неклассовом, на первый взгляд, характере борьбы всех классов буржуазного общества против самодержавия и крепостничества»³. Говоря о различных требованиях, наказах, жалобах, поступающих от широких масс населения, Ленин отмечает их «чисто культурный» и «элементарно правовой» характер и вместе с тем характер «беспартийности», какой они обычно приобретали. «Потребность в «человеческой», культурной жизни, в объединении, в защите своего достоинства, своих прав человека и гражданина, охватывает все и вся, объединяет все классы, обгоняет гигантски всякую партийность, встряхивает людей, еще далеко-далеко неспособных подняться до партийности»⁴. Речь идет, следовательно, не только о революционности в собственном смысле слова, не о прямом и активном участии в столкновениях с самодержавной властью или их идеологическом обосновании, но и о выражении недовольства и протеста в повседневной трудовой, общественной и культурной деятельности.

Характерной чертой «беспартийной революционности» третьего периода освободительного движения, придающей ей своеобразный

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 352.

² Там же, стр. 352.

³ Там же, стр. 353—354.

⁴ Там же, стр. 361—362.

⁵ Там же, стр. 362.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 368—369.

² Там же, стр. 356.

³ Там же, т. 10, стр. 58.

⁴ Там же, стр. 59.

просветительский характер, была романтическая идеализация тех общедемократических задач, которые стояли тогда перед передовой русской общественностью. «Увлечение происходящей борьбой, — писал об этом Ленин, — увлечение необходимым и законным, без которого невозможен успех борьбы, заставляет идеализировать эти ближайшие, элементарные цели, рисует их в розовом свете, облекает даже их иногда в фантастический костюм...»¹

Значительное участие в общедемократической борьбе за раскрепощение русского общества принимала тогда быстро растущая трудовая, разночинная демократическая интеллигенция, чуждая народническим доктринам и стремившаяся осознать задачи своей повседневной культурной работы в свете просветительских идеалов, также приобретающих нередко своеобразный романтический характер. Это были те слои русской демократической интеллигенции, к которым принадлежал и Чехов, сначала студент-медик, затем лечащий «земский» врач.

Довольно широкой областью применения культурных сил трудовой демократической интеллигенции были тогда различные учреждения, принадлежавшие местным хозяйственным самоуправлениям — «земствам»: школы, больницы, агрономические и статистические пункты и т. п. Власть и влияние в земствах принадлежали господствующему классу — местному дворянству, а повседневную тяжелую работу в земских хозяйственных и культурных учреждениях выполняли интеллигенты-разночинцы — врачи, учителя, агрономы, статистики, которые, работая по найму, стремились тем не менее в своем большинстве отдавать свои силы не земским заповедям, но трудящимся, преимущественно крестьянским массам, остро нуждавшимся в их помощи.

На этой почве в земствах происходила скрытая классовая борьба между демократически мыслящей трудовой интеллигенцией и представителями дворянства, которых неизбежно поддерживали местные реакционные власти. «Рост числа и влияния таких лиц, служащих в земстве в качестве врачей, техников, статистиков, агрономов, педагогов и т. п., — писал Ленин, — давно уже обращает на себя внимание наших реакционеров, которые прозвали также этих ненавистных «третьих лиц» «земской бюрократией»². При этом Ленин замечал, что реакционеры хорошо «понимают непримиримость самодержавия с какой бы то ни было самостоятельностью, честностью, независимостью убеждений, гордостью настоящего знания»³. Ссылаясь на речь одного из губернаторов, который утверждал, что «грезы» трудовой земской интеллигенции могут иметь с политической точки зрения «вредную сторону», Ленин разъяснял, что под этими «грезами» губернатор понимает «все предположения, выте-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 60.

² Там же, т. 5, стр. 258.

³ Там же, стр. 258.

кающие для врача — из интересов врачебного дела, для статистика — из интересов статистики и не считающиеся с интересами правящих сословий»¹.

Следовательно, идейные запросы трудовой разночинной интеллигенции могли укладываться в рамки ее профессиональных интересов. И Ленин подчеркивал, что эти профессиональные интересы не сводились к повседневным практическим заботам, что они заключали в себе различные «предположения», то есть планы и проекты, имевшие определенную «политическую тенденцию», враждебную интересам правящих классов. Отсюда возникали постоянные конфликты между «интеллигентами» и «управскими воротилами». Интеллигенты не позволяли «третировать себя как простых наемников» и нередко «коллективно подавали в отставку». Дело иногда доходило до прямого вмешательства уездной полиции, и тогда «вслед за статистиками ехал урядник и спрашивал крестьян, «не пропагандируют ли статистики вредных идей против государства и отечества»².

Однако культурную работу трудовой интеллигенции в земских учреждениях сильно затрудняло не только недовольство дворян или преследования полиции, но и материальные условия деятельности земств. Земства перекладывали свои основные хозяйственные расходы на плечи опекаемого ими крестьянского населения, выколачивая из него денежные средства путем особого налога, ухудшая тем самым его имущественное положение. Нести грамотность, культуру, науку обнищавшему и забитому народу было делом безрезультатным и неблагодарным. Оно заключало в себе насмешку над народом, и трудовая разночинная интеллигенция с горечью сознавала это глубокое противоречие между демократическими интересами и идеалами своего дела и теми невыносимыми условиями, в которых оно осуществлялось.

Таким образом, трудовая демократическая интеллигенция, стремившаяся принести народу передовую культуру и просвещение, по своему принимала участие в движении «беспартийной революционности» третьего периода освободительного движения. Работая среди народа, она с особой силой ощущала и гнет самодержавно-помещичьего строя, и атмосферу бесправия и варварства, царившую в стране, и всяческие проявления культурной отсталости страны и трудящихся масс. Стремясь преодолеть эту отсталость на почве своего профессионального дела, встречая сопротивление со стороны правящих слоев, она вносила в свою деятельность антиправительственную направленность, а ее защита народных интересов в области культуры стихийно перерастала в защиту политических интересов народа.

При этом трудовая демократическая интеллигенция склонна была односторонне преувеличивать значение своей деятельности в развитии национальной культуры, а иногда даже считать эту дея-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 259.

² Там же, стр. 261, 263.

тельность решающим моментом в процессе преодоления остатков крепостничества и освобождения народа. Ей казалось, что именно рост национальной культуры может постепенно привести русский народ ко всеобщему равенству и благосостоянию. И эти демократически-просветительские иллюзии стимулировали ее участие во все усиливавшейся «первой социальной войне».

Итак, в третий период освободительного движения наряду с народничеством действительно существовало другое демократическое идейное течение, имевшее ясно выраженный просветительский характер. В отличие от революционно-демократического просветительства 60-х годов, это было просветительство буржуазно-демократическое, в основном реформистское по своим политическим позициям, но отрешившееся от доктрин общинного социализма и выражавшее оптимистическое предвосхищение грядущей победы буржуазной революции, и вытекавшие отсюда романтические настроения.

3

Теперь мы можем возвратиться к Чехову, к его цитированным выше письмам и к его художественному творчеству. Даже тех немногочисленных высказываний писателя, которые были приведены в начале нашей статьи, было бы достаточно для того, чтобы увидеть в Чехове конца 80-х — начала 1900-х годов вполне сложившегося и яркого представителя нового русского демократического просветительства, просветительства третьего периода освободительного движения.

Но дело не только в высказываниях писателя, не только в его взглядах. Интересно проследить, как и в какой мере закономерные особенности его взглядов выразились в его художественном творчестве, то есть в образном отражении действительности, и как они тем самым создали закономерные особенности этого творчества. В настоящей статье мы можем лишь в самых общих чертах наметить разрешение этой задачи.

Существенно рассмотреть прежде всего, какие слои русского общества и какие стороны их жизни стали предметом изображения в повестях и пьесах Чехова в зрелый период его творчества. Здесь сразу становится заметным значительное отличие его от крупнейших писателей революционной демократии 40—70-х годов — Некрасова и Щедрина, а также от позднего Л. Толстого, отразившего взгляды и настроения патриархальных слоев крестьянства. Творчество этих писателей было основано на очень отчетливом и прямом противопоставлении главных антагонистических сил русского общества того времени: с одной стороны, дворянства и чиновничества с их властью и богатством, под которыми, однако, скрывались паразитизм и социальный упадок, и, с другой стороны, народных, крестьянских масс

с их забитостью, нищетой, под которыми, однако, таились огромные возможности созидательного труда и нравственных сил.

В произведениях Чехова, демократического просветителя конца века, нет такого резкого противопоставления этих основных борющихся сил «первой социальной войны», нет прямого сюжетного воплощения их основных социальных конфликтов. Чехов изображает по преимуществу средние слои русского общества в их бытовой повседневной жизни. На первом же плане в его произведениях в большинстве случаев стоит разночинная интеллигенция в ее отношениях с теми общественными слоями, с которыми она была тесно связана по своему происхождению, по своим служебным отношениям и всему образу жизни. Это были и служащие государственных и земских учреждений, и служилое или разоряющееся усадьбное дворянство среднего пошиба, и местное зажиточное мещанство, и т. п. Это были слои, легко проникающие друг в друга, частично переходящие один в другой, объединенные некоторым общим налетом «разночинной» интеллигентности и в то же время политической отсталости и боязливости. Эти слои издавна были морально подавлены и запуганы самодержавно-помещичьей реакцией, обывательские взгляды и настроения в них безусловно господствовали.

Однако с началом третьего периода освободительного движения в этих средних «интеллигентных» слоях русского общества, как указывал Ленин, в какой-то мере постепенно и подспудно назревали стремления преодолеть свою политическую запуганность и обывательскую ограниченность, стремления осознать и защитить свои общественные интересы и нравственную независимость. Процесс этот был сложен, неустойчив и противоречив. В нем были и успехи, и колебания, и поражения. Но именно этот процесс прежде всего и интересовал Чехова, мыслителя и художника. И осознанию именно этого процесса писатель посвятил в основном все свое зрелое творчество.

«Мы должны почерпнуть, — писал Ленин об этом процессе, — новую веру в всемогущество руководимого нами рабочего движения, видя, что возбуждение в передовом революционном классе передается и на другие классы и слои общества, что оно привело уже не только к небывалому подъему революционного духа в студенчестве, но и к начинающемуся пробуждению деревни, и к усилению веры в себя и готовности к борьбе в таких общественных группах, которые (как группы), оставались до сих пор мало отзывчивыми»¹.

Ленин ясно обозначает здесь основную политическую тенденцию тех перемен, которые происходили тогда в средних слоях русского общества. И он связывает ее с политической борьбой пролетариата. Чехов же был далек от осознания подобных перспектив. Он понимал этот процесс по-своему — в демократически-просветительском смысле.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 264.

Будучи участником «беспартийного» демократического движения, очень далеким от пролетарской революционности и ее идеологии и вместе с тем чуждавшимся регрессивных народнических доктрин, Чехов осознает интересующий его процесс общественного пробуждения средних слоев русского общества, и в особенности разночинной интеллигенции, не в его объективных социально-политических результатах, как это сделали бы Некрасов, Щедриц, Гл. Успенский. Он осознает этот процесс во внутренней жизни действующих лиц. Он показывает, как постепенные, часто незаметные, но медленно нарастающие изменения в мыслях и настроениях представителей разночинной интеллигенции в конце концов приводят их к какой-то новой оценке самих себя и окружающего.

Вследствие этого зрелый Чехов выступает как писатель-психологист, как художник, обнаруживающий преимущественную склонность к изображению душевной жизни своих героев.

Но и здесь Чехов был своеобразен. Он был писателем-демократом, человеком, гуманистически мыслящим. Он был далек от отвлеченных моралистических доктрин, которые рассматривали человеческую душу как арену борьбы добрых и злых начал и способствовали, как это было у Л. Толстого или Достоевского, углублению писателя во внутренний мир героев с целью раскрытия процесса этой борьбы. Еще в большей мере ему было чуждо самодовлеющее декадентское смакование противоречивости человеческого сознания, стремление унижить и оклеветать за это человека. Изображая противоречивый и трудный процесс общественного пробуждения средних слоев русского общества как внутренний процесс их сознания, Чехов хорошо сознавал, что он происходит под влиянием внешних, общественных условий и обстоятельств их жизни.

Не имея какой-либо готовой социально-исторической доктрины, Чехов обращал преимущественное внимание на повседневные бытовые проявления этих общественных условий и обстоятельств и на связи процесса душевной жизни своих героев с повседневными бытовыми проявлениями.

Раскрывая эти связи в образах своих героев, он открыл при этом новый и эстетически очень ценный принцип изображения. Он стал обращать преимущественное внимание на те впечатления, которые его герои получают от окружающей их среды, и изображал эти впечатления как симптомы тех изменений, которые происходят в сознании героев. Но в то же время делал эти впечатления средствами меткой эмоциональной характеристики самой среды, окружающей героя. Это двойное назначение изобразительных деталей было замечательным достижением Чехова, обогатившим художественную литературу.

Таково, например, изображение быта купцов-фабрикантов в повести «Случай из практики». В нем через детали домашней обстановки и портрета хозяина раскрываются характерные черты жизни русской буржуазии — жизни убогой, холуйской и вместе с тем само-

довольной. А в то же время эти детали даны в восприятии доктора Королева, который в усадьбе Ляликовых убедился в правоте своих предположений о чудовищных противоречиях буржуазных отношений. «У Ляликова, отца Лизы, маленький лоб и самодовольное лицо, мундир мешком сидит на его непородистом теле, на груди медаль и знак Красного Креста. Культура бедная, роскошь случайная, неосмысленная, неудобная, как этот мундир; полы раздражают своим блеском, раздражает люстра, и вспоминается почему-то рассказ про купца, ходившего в баню с медалью на шее...»

Эти особенности изображения типических характеров и обстоятельств с особой силой сказались у Чехова при изображении жизни демократической интеллигенции. Но они проявлялись в большей или меньшей степени и в характеристике других слоев общества, в разрешении всех основных просветительских проблем его творчества.

Прежде всего это относится к важнейшим критическим его сторонам. В своих повестях и пьесах Чехов выражает очень активное идейное отрицание всех пережитков крепостничества в русской общественной жизни. Но при этом он не кладет в основу своего изображения прямое их разоблачение. Он обращает преимущественное внимание на то, как отражается самодержавно-бюрократический гнет в сознании, в личном поведении, в бытовых отношениях средних слоев русского общества, во всей той атмосфере их повседневной жизни, которая складывается из этих психологических и бытовых отношений и которая своеобразно отражает в себе весь реакционный «порядок», господствующий в жизни страны. Чехов умел прекрасно улавливать и изображать именно эту сторону жизни русского общества своего времени, и художественное выражение этой ее стороны стало основным творческим пафосом его произведений.

Выдающимся образцом чеховского подхода к изображению русской жизни явилась, например, повесть «Палата № 6». Если отвлечься от гиперболических подробностей сюжета и психологии главных героев повести, если взять повесть в состоянии и соотношении типических характеров, в ней изображаемых, то есть в ее с и т у а ц и и, то в чем эта последняя заключается? В том, что служилая, разночинная, демократическая интеллигенция всю свою жизнь мучается страхом за свою судьбу, сознает свое бессилие, безрезультатность и бесперспективность своей деятельности и на этой почве психологически опустошается и опускается. Ей остается только смутно мечтать о чем-то значительном и возвышенном, что могло бы быть в ее жизни, в ее отношениях с обществом. Этот страх и чувство бессилия, эта внутренняя опустошенность жизни демократической интеллигенции явились прямым результатом той общей атмосферы политического угнетения и несправедливости, которая тогда безраздельно господствовала в стране. И всеми подробностями сюжета своей повести, изображая впечатления Рагина и Громова от окружающего, писатель очень своеобразно и заостренно изобразил и моральный тупик, в который зашли его герои, и тот характер социально-бытовых отно-

шений, который стал непосредственной внешней причиной их поражения.

Когда Чехов хочет изобразить жизнь господствующих дворянско-чиновничьих кругов, тех кругов, которые осуществляли в той или иной мере политическое угнетение всей страны, он и здесь не раскрывает прямо основные политические отношения и тенденции, как это делал, например, Щедрин. Он интересуется внутренним состоянием жизни этих кругов и показывает его в повседневных бытовых отношениях — в «мелочах жизни». Таково, например, изображение пустого и пошлого домашнего быта крупного петербургского чиновника Орлова, сына сенатора, в «Рассказе неизвестного человека». Таково раскрытие пережитков крепостнических нравов в помещичьей семье Кардиных в повести «В родном углу». При таком подходе даже самые высшие слои общества могут выглядеть как средние.

Такой же подход к изображаемому осуществляет Чехов в критике хищнических буржуазных отношений. Например, в повести «Три года» дается лишь общая характеристика деспотических нравов, господствующих в огромном торговом «амбаре» Лаптевых. А насколько такие нравы изуродовали жизнь младшего поколения этой семьи, об этом говорят только их последствия, проявляющиеся в повседневных отношениях семейной жизни Алексея Лаптева. В повести «Случай из практики» читатель не находит даже и таких подробностей в изображении жизни семьи фабрикантов Ляликовых. Но зато он остро ощущает всю атмосферу нелепых, бесчеловечных эксплуататорских отношений, обрекающую рабочих на рабство беспросветного труда, на нужду и унижения, а семью владельца на рабство, скуку и бессмыслицу паразитического существования.

Крупнейшим достижением Чехова в его борьбе с пережитками крепостничества было создание литературного типа «человека в футляре», изображенного в одноименной повести. Но и этот тип нашел у него свое воплощение исключительно в психологическом и бытовом плане. И здесь даны только результаты и симптомы политического гнета, царящего в стране. Знакомясь с повестью, мы не читаем тех правительственных циркуляров, которые пугают чиновников и городских обывателей, и не видим никаких столкновений и происшествий, непосредственно выражающих происки власти или отпор общества ее действиям или узаконениям, но мы ясно ощущаем атмосферу страха перед властью, страха, подавляющего средние слои городского общества: служилую интеллигенцию, чиновничество, духовенство и т. п. На первом плане мы видим одного из интеллигентов, учителя гимназии, наиболее запуганного всяческими запрещениями и разрешениями, интеллигента, у которого эта запуганность проявляется во всем его внешнем облике, во всем складе его мышления, в образе жизни, во всех повседневных действиях и поступках.

Тем представителям средних слоев русского общества, которые непосредственно проводили самодержавно-помещичий и хищниче-

ски-капиталистический гнет, или только поддерживали и использовали его в своих интересах, или были просто запуганы и раболепствовали перед ним, Чехов обычно противопоставляет других представителей той же среды — тех, которые обнаруживали в какой-то мере симптомы социального пробуждения, проявляли склонность к идейным исканиям и сомнениям, к критическому направлению мысли, к романтическим переживаниям, к выражению своего общественного недовольства, а иногда и протеста.

Чехов хорошо сознает общественную прогрессивность подобных идейных стремлений и переживаний. Он особенно ценит в этой части общества тех людей, которые в своем общественном пробуждении, своих исканиях и в своем недовольстве обнаруживают ту или иную степень идейной принципиальности, которые умеют возвыситься до активных умственных интересов и выступают как поборники и защитники передовых форм материальной и умственной жизни, как сторонники технического, научного, эстетического прогресса, прогресса, требующего в свою очередь осуществления гражданской свободы, правового равенства, умственного раскрепощения общества.

Чехов находит таких людей почти исключительно среди трудовой демократической разночинной интеллигенции. Их он называет иногда «светлыми личностями». Их он делает обычно лучшими героями своих повестей и драм. Их-то он особенно отчетливо и активно противопоставляет всему миру «футлярности» — миру социальной косности, застоя и вытекающих из них моральной ограниченности и пошлости жизни, тому миру, который существовал как результат и как проявление пережитков крепостничества в русской общественной жизни. Таковы в повестях и драмах Чехова доктор Дымов («Попрыгунья»), доктор Астров («Дядя Ваня»), физик Ярцев («Три года»), архитектор Саша («Невеста») и другие, подобные им герои.

Но Чехов также хорошо сознавал и другое: слабость этих прогрессивных стремлений трудовой демократической интеллигенции и прочих представителей средних слоев русского общества, отсутствие какой-либо крепкой социальной основы для их общественной деятельности, вытекающую отсюда неустойчивость и противоречивость их передовых взглядов и настроений, неясность и отвлеченность их общественных идеалов.

Это и определило в значительной мере своеобразие чеховского подхода к изображению того противоречия, которое неизбежно возникало между пробуждающейся, прогрессивно мыслящей частью русского общества и окружающим ее миром социальной косности, запуганности и застоя.

По сути дела это было основное противоречие «первой социальной войны», — противоречие между существовавшим тогда помещичье-буржуазным укладом общественной жизни и освобождавшимся из-под него крестьянско-буржуазным ее укладом. Но в изображаемых Чеховым средних слоях русского общества, в группи-

ровках, в значительной мере промежуточных, к тому же политически подавленных и незрелых, это противоречие не выражалось обычно в последовательных, резких и ясно осознанных идейных, а тем более политических столкновениях. Основное противоречие это выступало здесь как постоянно существующий социальный антагонизм, проявляющийся в повседневной жизни — в служебных, семейных, бытовых отношениях и связанных с ними нравственных переживаниях людей.

Именно такими проявлениями этого основного социального антагонизма постоянно интересовался Чехов. Он остро чувствовал глубокую антагонистичность отношений повседневной жизни средних слоев русского общества. И он показывал лучших, прогрессивно мыслящих представителей демократической интеллигенции в бытовых и нравственно-психологических столкновениях с окружающим их семейным и служебным деспотизмом, с умственной косностью и пошлостью, невежеством и карьеризмом, со всей той атмосферой самодовольной рутины, которая сама была результатом и выражением политической реакции, царящей в стране.

Таковы, например, в «Скудной истории» семейные отношения старого профессора, разочаровавшегося в своей прежней жизни и деятельности, полной самообольщения и рутины, и слишком поздно пробудившегося к новым идейным исканиям. Таковы же грустные итоги «счастливой» жизни Никитина, «учителя словесности» из одноименной повести, или Гурова в «Даме с собачкой». Такова в повести «Невеста» судьба Нади, дошедшей в своем растущем внутреннем антагонизме со своей средой до разрыва с ней.

На таком же глубоко, но скрытом в мелочах повседневности общественном антагонизме построены и почти все драмы Чехова. Печальная судьба Иванова («Иванов»), Треплева и Нины Заречной («Чайка»), разочарование Войничского и Астрова («Дядя Ваня»), житейские неудачи и поражение сестер Прозоровых и Вершинина («Три сестры») — все это не только и не просто случайности личной жизни, все это проявления основного противоречия, постепенно зреющего в недрах всего общества и стихийно вырывающегося в личных и семейных отношениях. Все лучшие герои чеховских пьес — жертвы косности, ограниченности, самодовольства окружающей их среды и через нее — царящего в стране политического и социального застоя.

Некоторые повести и драмы Чехова строятся при этом на резком противопоставлении всего склада жизни и всех личных интересов отдельных героев. Писатель как бы подчеркивает в них ту пропасть, которая существует между миром «футлярности», сытости, паразитизма и миром труда, недовольства и умственных исканий. Такова, например, сюжетная антитеза Абогина и Кириллова во «Врагах», Рябовского и Дымова в «Попрыгунье», Серебрякова и Войничского в «Дяде Ване», Наташи и сестер в «Трех сестрах».

Сознавая слабость своих ищущих и мыслящих героев в их борьбе с гнетущей атмосферой окружающей жизни, Чехов никогда не делает их победителями и всегда приводит их к внешним неудачам и внутреннему поражению. Они или умирают, как Дымов в «Попрыгунье», или морально опускаются и черствеют, как Старцев в «Ионыче», или теряются в безнадежных сомнениях, как Гуров в «Даме с собачкой», как Астров в «Дяде Ване». Только в двух последних произведениях, написанных в 1903 году, — в «Вишневом саде» и «Невесте» — Чехов дает возможность мыслящей молодежи (Трофимов, Аня, Надя) уходить в какую-то новую жизнь. Но куда именно они уходят и куда могут прийти, это, видимо, было недостаточно ясно и самим героям и их автору.

В этой связи следует правильно оценить и частные упоминания Чехова о «земстве» и земской деятельности его героев. Земская деятельность трудовой интеллигенции сама по себе не была идеалом Чехова. Она казалась ему только возможным поприщем для борьбы за просветительские идеалы, идеалы всеобщего благосостояния на основе передовых форм культуры. Но Чехов признавал в то же время, что это поприще слишком узко, ненадежно и противоречиво. Отсюда и происходили колебания писателя в оценке земской деятельности его героев и горькие признания ее бесперспективности с их стороны. Наиболее отчетливо эта бесперспективность осознана доктором Астровым в пьесе «Дядя Ваня». Астров двенадцать лет работает сельским врачом, лечит крестьян и рабочих, борется с эпидемиями. Он не только отдает этому свои силы и здоровье, он хотел бы видеть в такой деятельности путь к счастливой творческой жизни всего народа. Но он приходит к горьким сомнениям. Народ живет в нищете, темноте и бесправии, культурно-экономическая жизнь общества за пятьдесят лет в пределах уезда являет картину несомненного вырождения. И Астров приходит к идейному и моральному банкротству. Он еще полон сил, но он не видит путей их действительного применения. Ему остается только мечтать или скептически осуждать себя самого.

В раскрытии идейного и нравственного поражения своих лучших героев Чехов проявил верное осознание слабости русской буржуазной демократии как общественного течения — осознание ее политической незрелости, невозможности для нее самостоятельно одержать победу над реакционными силами, господствовавшими в стране. Именно это осознание и явилось основой чеховского критического реализма, основой «верности передачи типических характеров» лучших мыслящих представителей средних слоев русского общества «в типических обстоятельствах» господствующей политической реакции и вызванного ею социального застоя.

Таковы особенности идейного и творческого раскрытия основной критической стороны просветительских взглядов Чехова — его борьбы с пережитками крепостничества. Но с нею теснейшим образом связаны и другие стороны его взглядов — и прежде всего

защита народа. Творческое изображение Чеховым социальных низов России отличается подобными же особенностями.

Идеолог «первой социальной войны», Чехов не видел в пролетариате особую общественную силу и почти не замечал его, затронув его жизнь лишь отчасти в повестях «Случай из практики» и в «Бабьем царстве». Он считал русским народом прежде всего крестьянство, думал и писал о нем. Демократический просветитель третьего периода освободительного движения, Чехов в отличие от просветителей-демократов 60—70-х годов не видел, однако, и в крестьянстве решающую общественную силу, способную активно бороться с существующим помещичье-буржуазным укладом, защищаемым самодержавной властью, и тем более изменить этот уклад. Он не видел крестьянских масс, не сознавал их революционности, не связывал с их борьбой будущего России. Но он хорошо сознавал в то же время нищету и темноту жизни широких крестьянских масс и по-своему выступал на защиту угнетенного народа.

Защита эта состояла не в том, что Чехов видел в самом народе силы, способные изменить его тяжелую жизнь. Она заключалась в том, что писатель с горечью указывал обществу на бедственное положение, на вопиющую нужду, темноту и забитость широких слоев крестьянства, а вместе с тем и на ничтожность и бесплодность всех стремлений помочь крестьянству посредством культурной деятельности, благотворительности и т. п. Именно этим путем Чехов выражал свой протест против всего растущего угнетения народа со стороны господствующих классов и самодержавной власти.

Поэтому в своих повестях из крестьянской жизни, принципиально ставящих проблему народа, — в «Мужиках», «Новой даче», отчасти в «Моей жизни» — Чехов кладет в основу сюжетов не столько сами отношения эксплуатации и угнетения, определявшие тяжесть крестьянской жизни, сколько опять-таки результаты этих отношений и их проявления в психологии, быте, в мелочах повседневной жизни крестьянства.

Так, в повести «Мужики» говорится об избе под железной крышей, где кабатчик спаивал и обирал бедноту, упоминается и о приезде станового, об отобрании имущества крестьян в уплату недоимок. Но основное впечатление беспросветности и забитости крестьянской жизни у читателя создается при изображении повседневных бытовых отношений в бедняцкой семье Чикильдеевых, находящейся на грани физического и нравственного вырождения.

И Чехов не жалеет красок, чтобы подчеркнуть именно эту сторону дела. Он не случайно изображает именно бедняцкую семью, почти разоренную, живущую отчасти заработками на стороне и перебивающуюся кое-как, а поэтому утратившую моральную основу семейной жизни и не имеющую никакой возможности приобщиться к культуре. Писатель изображает, как муж бьет свою жену, а бабка своих внучат, как втайне радуются родственники смерти одного из членов семьи, залеченного неумелым лекарем, как утешаются моло-

дые женщины этой семьи чтением евангелия, которое они плохо понимают, как тщетно лечится голодная старуха земскими порошками и т. п. Чехову особенно важно подчеркнуть, что во всех своих бедствиях крестьяне винят земство. Бесплодной и бесперспективной оказывается при существующих условиях та помощь, которую часто самоотверженно пытается оказать народу трудовая демократическая земская интеллигенция, люди типа Астрова.

Картину полного взаимного непонимания между богатой буржуазной интеллигенцией, искренне желающей заниматься благотворительностью, и босыми, голодными мужиками, привыкшими к своей бедности и забитости и иронически относящимися к барским прихотям, показал Чехов в повести «Новая дача». Подобные же отношения с крестьянами складываются у Мисаила и Маши в повести «Моя жизнь». Ничего не меняется по существу в народной жизни от материальной и культурной помощи Натальи Гавриловны и доктора Соболя в повести «Жена». Умно и верно говорит о ненужности земских «аптек» и «библиотечек» художник в повести «Дом с мезонином». А доктор Старченко в повести «По делам службы», сперва побывав в деревне, в бедной и холодной съезжей избе, а затем попав в теплый и полный комфорта помещичий дом, смутно начинает понимать, какая непроходимая пропасть отделяет интеллигенцию, пусть даже трудовую по своему образу жизни и демократическую по своим взглядам, от замученного и забитого народа, терпеливо переносящего свою голодную, грязную, беспросветную жизнь.

Деревня живет своей жизнью, и в этой жизни есть какая-то своя глубокая социальная необходимость, независимая от желаний и воли интеллигенции. В осознании этого обстоятельства и заключается реализм крестьянских повестей Чехова.

Во всех этих повестях Чехов почти не показывает непосредственно и подробно те социальные и политические отношения, которые были причиной такого бедственного положения крестьянства и почти совсем не показывает те социальные силы, которые материально и морально угнетали народ. Известный сдвиг представляет собой в этом отношении последняя из крестьянских повестей Чехова — «В овраге». В ней также не показаны помещики или представители самодержавной власти в их отношениях с народом. Зато здесь изображена хищническая деревенская буржуазия, сложившаяся в помещичье-буржуазном укладе общественной жизни, по-своему представляющая собой этот уклад и являющаяся самым хитрым, жестоким и опасным эксплуататором, подстерегающим крестьян на каждом шагу.

Но и здесь, однако, Чехов не показывает экономические отношения Цыбукиных с местным сельским «обществом», с беднотой, с рабочими, их связи с местной властью. Он ведет нас в семью Цыбукиных. Он изображает алчность, корыстолюбие и вытекающую из них беспощадную и наглую жестокость деревенских хищников в бытовых семейных отношениях. В образе Аксиныи он раскрывает

их психологию, в образах Липы и Игната — нравственные переживания их жертв, людей забытых и покорных, но являющих в своей покорности глубину и благородство человеческих чувств.

Итак, в ряде своих повестей через бытовые отношения и психологические переживания героев Чехов изобразил жизнь средних слоев русского общества с царящей в ней атмосферой самодовольной рутинности, «футлярности», пошлости и скуки, и процесс идейного и нравственного пробуждения немногих лучших представителей разноточинной демократической интеллигенции и людей, ей подобных, и их неудачи и поражения на этом пути. А в других своих повестях на основе тех же творческих принципов он изобразил жизнь трудовых крестьянских масс с ее нищетой, забитостью и невежеством, с бесплодностью всех культурнических попыток ее изменить. Картина получалась разительная и волнующая, сопоставления напрашивались сами собой.

Но какие же перспективы намечались в таком понимании и изображении русской общественной жизни? Как осознал Чехов переход от той действительности, которую он критически изображал, к его просветительским идеалам — ко всеобщему благосостоянию всех демократических слоев русского общества, противостоящих помещичье-буржуазной реакции в «первой социальной войне», благосостоянию, основанному на развитии передовых форм материальной и духовной культуры?

Просветительский идеал писателя, как уже отмечалось выше, был исторически отвлеченным. Всеобщее благосостояние демократических слоев русского общества не могло быть достигнуто даже при условии полной политической победы над силами самодержавия и уничтожения помещичье-буржуазного строя. Оно не вытекало из закономерностей развития русского общества и имело поэтому утопический характер.

Но, с другой стороны, этот идеал не был создан личным воображением Чехова или кого-либо из его современников. Он отражал неразвитость крестьянско-буржуазных отношений и расстановку классовых сил в «первой социальной войне». Он идейно освещал и морально санкционировал эту войну, в ней черпал свой пафос и свою идейно-нравственную высоту. Ведь речь шла о великой исторической задаче освобождения русского общества из-под невыносимого гнета самодержавно-помещичьей реакции. И это заставляло просветительно-мыслящих демократов романтически осознать результаты такого освобождения.

Поэтому Чехов никогда не сомневался в самом своем идеале. Он сомневался и колебался в решении вопроса о путях достижения идеала, серьезно и искренне был убежден в возможности осуществить этот идеал путем медленного и постепенного развития материальной и духовной культуры всех демократических слоев русского общества и в том числе трудящихся народных масс, разви-

тия, осуществляемого прежде всего силами трудовой демократической интеллигенции, в особенности земской. Но он постепенно все сильнее сознавал всю реальную бесплодность культурнической работы интеллигенции в деревне при существующих условиях. И поэтому вместе с героями своих драматических произведений — Астровым, Вершининым, Трофимовым — относил сроки осуществления идеала в отдаленное будущее, на сто, двести или даже тысячу лет вперед.

Естественно, у Чехова при этом возникала мысль, что все это не решает вопроса, что невозможно народным массам и всему русскому обществу так долго томиться и страдать, что лучше было бы встать на путь активного сопротивления и насильственного революционного уничтожения существующего правопорядка. И он иногда высказывал эту мысль в своих повестях и пьесах, высказывал робко, намеками, но все же достаточно определенно. Так в «Доме с мезонином» художник, критикуя культурническую деятельность либеральной помещицы, говорит о том, что невозможно изменить положение крестьян с помощью мелких культурных начинаний, что надо «рубить цепь», которой опутан народ. Так в «Крыжовнике» рассказчик, разоблачая мелкобуржуазные, мещанские интересы некоторой части интеллигенции, заявляет, что надо «прыгать через ров», а не ждать, когда он «зарастет постепенно». В 1901 году устами Тузенбаха в «Трех сестрах» писатель призывает «здоровую освежающую бурю», которая должна обновить общество, уничтожив тунеядство и паразитизм.

Из этого не следует, что Чехов к концу своей жизни и творчества стал революционером. Он пришел к мысли о неизбежности революционной бури не путем последовательного, теоретического пересмотра своих политических взглядов. Он невольно подчинился в своих мыслях и настроениях тому резкому усилению «первой социальной войны», которая тогда происходила в стране. На него оказывал влияние тот революционный подъем, который захватывал тогда все более широкие слои демократической части русского общества, пробуждая их к активной политической жизни. Чехов больше чувствовал приближение революционного взрыва, нежели теоретически его осознал. И прямые высказывания его героев на эту тему были очень редки и неопределенны.

Но как бы ни колебался Чехов в своих политических взглядах, его зрелые произведения все чаще и больше выражали его просветительскую романтику. Сила Чехова-художника заключалась в том, что он нашел очень тонкие и своеобразные приемы выражения своих мечтательных стремлений к просветительскому идеалу освобождения и всеобщего процветания русской демократии. Он выражал их в основном не через резонерские высказывания своих героев, но всем эмоционально-образным строем, всем стилем своих произведений. Для этого ему надо было значительно изменить традиционные принципы построения повести и драмы.

Особенности стиля повестей зрелого Чехова вытекают из той двойной функции изобразительных деталей, о которой говорилось выше. Чехов не просто изображает в отдельных эпизодах характерные особенности жизни как эмоциональные впечатления того или другого героя, иногда рассказчика или автора, он кладет этот принцип в основу всего повествования. В его повествовании изобразительные детали перекликаются между собой в своей экспрессивности и поддерживают одна другую. Своей экспрессивностью они придают повествованию, помимо его прямого, изобразительного значения, еще другое, более широкое и глубокое значение. Они выражают не только прямую идейно-эмоциональную оценку тех явлений жизни, которые в них непосредственно изображаются, но вместе с тем косвенную, критическую оценку всего того общественного уклада, той политической атмосферы, которую эти явления представляют в своей характерности. (Этот косвенный, но более глубокий смысл чеховского повествования, который вследствие его эмоциональности очень трудно передать словами, часто называют, вслед за К. Станиславским, «подводным течением» или «подтекстом». Такие метафоры стали даже модными в литературе о Чехове, но они сами по себе мало удачны и заключают в себе только указание на факт, но не его разъяснение.)

Так, в повести «В родном углу» крепостнические нравы дедушки и тети Даши раскрыты в постепенно нарастающих впечатлениях Веры, приводящих ее к бегству из дома и толкнувших ее на случайное замужество. Во всей повести только эпизоды с Аленой и солдатом непосредственно обнаруживают жестокость и ханжество помещиков. Но все повествование основано на последовательном выделении таких изобразительных подробностей, которые выступают как бытовые и психологические симптомы крепостничества. Таково обжорство дедушки, символически раскрытое в повторяющейся мысли Верочки: «Это дедушка съел». Таковы палка дедушки, вздрагивающая спина тети Даши, ее «деспотические руки» и звон ее браслетов, и то, что Алена от страха бьет посуду, и то, что в доме ежедневно меняется прислуга, и т. п. Все эти детали только намекают на крепостничество Кардиных. И они намекают не только на пережитки крепостничества в их усадьбе, но на всю атмосферу деспотизма, царящую и за пределами этой усадьбы — в русском обществе в целом, во всей стране. Такому пониманию способствуют и размышления Верочки о том, как живут соседи Кардиных и вся местная интеллигенция.

Иногда более широкий эмоциональный смысл изобразительных деталей получает у Чехова подчеркнутое выражение, и тогда эти детали перерастают в символический образ, имеющий огромный обобщающий социально-политический смысл. Таково, например, изображение тюрьмы, будто бы случайно видимой из окна «палаты

№ 6». Таково описание серого забора с гвоздями, за которым жила дама с собачкой», и т. п.

Но отрицание жизни всегда предполагает ее утверждение и таит его в себе. Своим отрицательным героям, воплощающим в себе деспотизм и «футлярность», обывательскую ограниченность и самодовольство, Чехов часто противопоставлял других героев, проявляющих в той или иной мере признаки общественного пробуждения, и они мечтали вместе с автором о той прекрасной жизни, которая когда-нибудь наступит. Так строили свои произведения многие другие писатели, и в этом по существу не было ничего нового. Но Чехов открыл и другую возможность для выражения своих романтических настроений.

Осуществляя с помощью экспрессивных изобразительных деталей косвенную, отрицательную оценку всего уклада русской общественной жизни своего времени, Чехов возбуждал самым эмоциональным строем своих повестей и пьес не только недовольство этой мучительной и бедной жизнью, но и тоску по другой, свободной и творческой жизни, — романтическое стремление к ней. И во многих, особенно поздних повестях, написанных в период нарастающего общественного подъема, эти романтические настроения писателя получали при этом прямое выражение в лирических высказываниях рассказчика или автора-повествователя по поводу происходящего в сюжете произведения.

Таковы, например, раздумия Королева («Случай из практики») о «том времени, быть может уже близком, когда жизнь будет такою же светлой и радостной, как это тихое воскресное утро...» Таково одно из «отступлений» в повести «Мужики»: «Какое прекрасное утро! И, вероятно, какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда, ужасная, безысходная нужда, от которой нигде не спрячешься!»

Новые принципы повествования, осуществленные Чеховым, нашли свое выражение и в самом объеме его повестей. Для того чтобы экспрессивный строй повествования получил должную многозначительность, не страдал однообразием и длиннотами, Чехову надо было писать гораздо более коротко, гораздо более сжато, чем писали свои повести и романы другие русские писатели, его предшественники и современники, — такие, как Гончаров, Салтыков-Щедрин, Лев Толстой, Достоевский, Мамин-Сибиряк и другие.

И Чехов очень рано нашел в своих художественных текстах эту новую «меру», вытекавшую из нового качественного своеобразия их идейного содержания. Первоначально краткость его повествования была результатом практических требований, предъявляемых редакциями тех юмористических журналов, в которых начинал писатель свой творческий путь, требований, к которым он быстро научился применяться. Но вскоре эта краткость стала его собственным эстетическим требованием, которое он предъявлял и к себе и к другим, требованием крупного художника, осознавшего, что характерность

и значительность литературного изображения не всегда зависят от обилия повествовательных эпизодов и деталей, а характерность каждой такой детали не обязательно предполагает обилие слов, ее передающих.

А вслед за тем Чехов нашел для этого общего эстетического принципа более конкретное содержательное применение. Немногочисленность и сжатость экспозиций повествовательных эпизодов, описательных характеристик стали под его пером условием и средством усиления эмоциональной значительности и выразительности изображения. Само по себе это не было новостью в истории русской литературы. Здесь предшественниками Чехова были и Лермонтов в его прозе и, в еще большей мере, Тургенев. Но Чехов сумел внести в сжатое и эмоционально-выразительное прозаическое повествование новую своеобразную содержательность, получившую свое выражение в двойном значении изобразительных деталей и всего повествования.

Своеобразие общественных взглядов и настроений Чехова сказалось не только в стиле его повествования, но и в жанрах. Обычно утверждают, что Чехов не писал романов и что его зрелое эпическое творчество состоит из рассказов и повестей. Такое утверждение основывается обычно на том представлении, что романы и повести отличаются друг от друга по объему художественного текста, зависящего от количества сюжетных эпизодов и степени подробности их разработки. Такое представление несомненно не охватывает всех сторон этого сложного вопроса.

Как мы видели, стремление Чехова к сокращению числа эпизодов в сюжетах повестей и к выразительной краткости повествования было результатом создания им новых принципов изображения, новой тематическо-композиционной и речевой формы, соответствовавшей новому содержанию. Это было своеобразие стиля¹ творчества Чехова, но еще не его жанра. И надо по существу решить вопрос о том, как это стилевое своеобразие отразилось на жанровых особенностях произведений Чехова. А для этого надо исходить из иного, более сложного понимания жанра вообще.

Если мы будем называть романом всякое повествовательное произведение, большое по объему текста, то в зрелом творчестве Чехова действительно очень трудно будет найти романы. Но надо рассмотреть особенности романа глубже, надо понимать роман как такое эпическое произведение, в котором внимание автора в основном направлено на развитие социально-исторического характера одного или нескольких главных героев в их столкновениях с окружающей социальной средой и в котором это развитие берется не в отдельный его момент, как в новелле, но в ряде

¹ Разумею под стилем все и прежде всего тематико-композиционные особенности внешней формы, найденные для выражения идейного содержания произведения.

основных его этапов, образующих вместе целую историю развития характера.

Если к повествовательным произведениям зрелого Чехова подойти с этим определением, то среди них найдется немало таких, которые по существу своему могли бы считаться романами. Таковы, например, «Рассказ неизвестного человека», «Моя жизнь», «Три года». Иначе и быть не могло: писатель, больше всего интересовавшийся проблемой пробуждения общественного самосознания в демократических слоях русского общества, должен был брать характеры героев в их большой и сложной эволюции.

При сравнительно небольшом объеме текста каждое из названных произведений содержит историю развития характеров главных героев в их взаимоотношении со средой. Все это романы, но написанные в чеховском стиле. Чехов, как мы видели, разработал новые принципы повествования, которые требовали выразительной лаконичности.

Однако у Чехова есть и такие произведения, которые при небольшом объеме текста по своему существу не имеют ничего общего не только с романом, но и с новеллой. Самым лучшим примером произведений этого рода являются «Мужики». Здесь нет развития характера, воплощенного в каком-то определенном главном лице или лицах. Здесь интерес автора всецело сосредоточен на другом — на том состоянии, в котором находится какая-то определенная социальная среда, какая-то часть общества; в данном произведении — трудовое крестьянство. Отсюда вытекают и особенности строения сюжета повести, состоящего из эпизодов, не связанных между собой причинной последовательностью, но вместе рисующих общую картину жизни. Ни в литературной критике, ни в истории литературы еще нет названия, принятого для жанрового обозначения подобных произведений. Условимся пока называть их, в отличие от повестей романтических и новеллистических, «нравоописательными» повестями, не придавая второй части этого слова буквального значения. У Чехова есть и другие произведения этого жанра — «Случай из практики», «На подводе», «По делам службы» и им подобные, но все же их немного в творчестве Чехова. Значительное большинство его повестей по своим жанровым особенностям несомненно все же относятся к романическо-новеллистическому типу произведений. Некоторые из них представляют собой более или менее отчетливо выраженные новеллы — произведения, изображающие развитие социально-исторического характера на одном его этапе или даже в один из его моментов. Таковы, например, «В усадьбе», «Рассказ старшего садовника», «Соседи».

Но в большинстве своем эпические произведения зрелого Чехова представляют собой очень сжатые романтические истории, которые, в отличие от собственно романа, можно было бы назвать романическими повестями. Таковы «Скучная история», «Палата № 6», «Жена», «Ариадна», «Именины», «Дом с мезонином», «Кры-

жовник», «В родном углу», «Дама с собачкой» и другие. В таких произведениях в относительно сжатом и кратком повествовании или прослеживается история развития характера главного героя, или, в большинстве случаев, раскрывается важный и значительный, часто кульминационный этап его развития, подводящий ему идейно-нравственные итоги, а иногда определяющий собой все последующее.

В жанровых особенностях этой самой многочисленной группы повестей зрелого Чехова и сказалось с наибольшей силой и ясностью то своеобразие их идейного содержания и их художественной формы, о котором говорилось выше и которое определялось особенностями просветительского мышления писателя.

Изображая в этих повестях идейно-нравственное развитие героев в их взаимоотношениях с окружающей социальной средой, писатель, как уже отмечалось, не только выносил свой прямой идейный приговор самим этим героям и самой среде, но выражал с помощью экспрессивных деталей, определяющих тон повествования, косвенную, эмоциональную оценку всей той атмосферы общественной жизни, всего ее уклада, который обрекал героев на их жалкое существование, на их нравственное поражение.

Вследствие этого и в жанровом отношении эти повести Чехова приобретали двойственный характер: романический, поскольку речь в них прямо шла в основном об эволюции социально-исторического характера во взаимоотношениях со средой, и описательный в той мере, в какой своеобразными приемами своего повествования автор косвенно указывал на отрицательное состояние всего русского общества, на невыносимость существования в этих общественных условиях, на вопиющее противоречие той тусклой жизни, какой жило русское общество, с той свободной жизнью, прекрасной для всех, которая когда-нибудь наступит и, может быть, уже приближается. Этот двойственный характер осуществлялся, конечно, в каждой из повестей рассматриваемой группы в различной степени.

Подобная жанровая двойственность существовала тогда не только в повестях Чехова, но и в крупных произведениях Л. Толстого, Мамина-Сибиряка или М. Горького. Но у них она имела открытый, сюжетно-тематический характер. Толстой в «Воскресении», Мамин-Сибиряк в «Приваловских миллионах», Горький в «Фоме Гордееве» окружали своего главного, эволюционирующего в своем социальном характере, романического героя — Нехлюдова, Привалова, Гордеева — широкими картинами русской общественной жизни, не только заключавшими в себе характеристику тех сил, с которыми герою в его развитии приходилось сталкиваться, но имеющими вместе с тем и совершенно самостоятельный «нравоописательный» смысл.

У Чехова все было иначе. Мысль о невыносимом, отрицательном состоянии всего русского общества выступала у него как косвенный намек, как скрытый эмоциональный смысл повествования, создавае-

мый тоном авторской речи, подкрепляемый символикой второстепенных образов и лирическими отступлениями. В таком своем стилевом выражении эта мысль получала и более широкое обобщающее значение и большую силу эмоционального воздействия.

И русские читатели, особенно из интеллигентно-демократических слоев общества, создавали это значение и чувствовали эту силу. В чеховских героях они видели самих себя. И они готовы были страдать вместе с ними, изнемогать вместе с ними в борьбе с косной, деспотической средой, мыслить и мечтать так же, как они. Они готовы были плакать вместе с ними на спектаклях чеховских пьес в Московском Художественном театре. Читатели и критики Чехова невольно создавали себя не только свидетелями и судьями, но и участниками того, что происходило в повести или на сцене при постановке пьесы.

Во всем этом и находило свое выражение общественное значение творчества Чехова. Его произведения в огромной степени способствовали развитию того «общественного возбуждения», котороеросло тогда в широких демократических слоях русского общества. Они активизировали социальное самосознание этих слоев русского общества, усиливали их недовольство и их протест против помещичье-бюрократической и хищническо-буржуазной эксплуатации, против нестерпимого гнета самодержавной власти. Они выражали их стремление к свободе, их мечту об иной, прекрасной и созидательной жизни. Они способствовали вызреванию тех социальных сил, которые мог повести за собой революционный рабочий класс, уверенно вставший тогда во главе «первой социальной войны».

* * *

Итак, Чехов был художником-идеологом русской демократии в «первой социальной войне», на третьем этапе освободительного движения. На этой основе закономерно сложились его просветительские взгляды со всеми особенностями, отличающими их от революционного просветительства 1840—1870-х годов. В свете этих взглядов, с их силой и слабостью, и отражалась русская общественная жизнь того времени в произведениях Чехова. Благодаря своему выдающемуся таланту Чехов сумел найти и разработать при этом такие новые принципы эпического повествования и драматического действия, которыми другие русские писатели 1880—1900-х годов, примыкавшие к тому же движению и близкие Чехову по своим общественным взглядам, не сумели так полно овладеть. Одни из них, как, например, Короленко, только постепенно овладевали ими, другие, как Мамин-Сибиряк, в значительной мере остались им чужды.